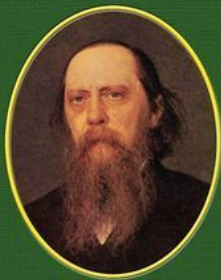

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Сочинения Я. П. Полонского

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132685

Аннотация

Разбирая стихотворения Я. П. Полонского, представленные в двух вышедших в 1869 г. томах его четырехтомного собрания сочинений, Салтыков сформулировал то, что к концу 60-х годов стало фактом (и что было с понятной горечью констатировано самим поэтом в его письмах к Тургеневу), – охлаждение, невнимание публики и критики к поэзии Полонского. Салтыков определил и причины этого охлаждения: неопределенность творческой личности, «физиономии» поэта, эклектизм, отсутствие тенденции. Руководствуясь этим критическим мерилom, Салтыков использует свой излюбленный прием: подвергает своеобразному ироническому анализу наиболее характерное, с его точки зрения, стихотворение Полонского.

Содержание

Примечания
Комментарии

12

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Сочинения Я. П. Полонского

Два тома. СПб 1869

Значение второстепенных деятелей на поприще науки и литературы немаловажно. Они полезны не только в качестве вульгаризаторов чужих идей,^[1] но иногда даже в качестве вполне самостоятельных исследователей истины. Мысль заключает в себе источник такого богатства выводов и применений, около которого могут найти для себя пищу не только так называемые инициаторы, но и просто люди с чутким и восприимчивым умом. Очень часто от внимания инициаторов ускользают подробности весьма существенные, которые получают надлежащее развитие лишь благодаря их последователям. Эти последние дают новые подкрепления возникающим жизненным вопросам, проливают на них новый свет и отчасти даже видоизменяют их. В этом случае относительное достоинство второстепенных деятелей определяется, во-первых, широким и ясным пониманием внутренней сущности (а не буквы только) того или другого учения и, во-вторых, способностью развивать его и обогащать новыми выво-

дами и применениями.

Если мы ограничим нашу речь о второстепенных писателях одною беллетристикою, то увидим, что и в этой сфере сказанное выше может быть приложимо с полным основанием. В литературе, даже не весьма богатой, всегда существует довольно большое количество различных школ, в состав которых входят люди талантов весьма неравных. Каждая школа имеет и своего мастера, и своих подмастерьев и чернорабочих, но критика, конечно, была бы неправа, если бы одних мастеров признавала подлежащими ее суду, а писателей, идущих по их стопам, оставляла в забвении. Во-первых, это было бы несправедливо, потому что второстепенность отнюдь еще не равняется отсутствию таланта, а означает только недостаток почина, а во-вторых, пренебрежение к подражателям может сделать ущерб самому критическому исследованию в том отношении, что оставит без разъяснения те характерные стороны школы, для изучения которых подражатели почти всегда представляют материал гораздо более разнообразный и яркий, нежели сами образцы.

Что г. Полонский писатель второстепенный и несамостоятельный, с этим согласится всякий, кто прочтет на выдержку хоть несколько строк из изданных им ныне двух томов сочинений; но ежели бы мы захотели определить, к какой он принадлежит школе, какому образцу следует и каким мирозерцанием вдохновляется, то встретили бы большое затруднение. По-видимому, он эклектик, то есть берет дань со всех

литературных школ, не увлекаясь их действительно характеристическими сторонами, а ограничиваясь сферами средними, в которых всякое направление утрачивает свои резкие особенности. Такого рода прием, быть может, весьма разумен в том отношении, что не дает повода обвинять прибегающего к нему писателя в слишком наглых заимствованиях или в явном опошлении образцов, но он опасен в том смысле, что может породить значительную долю вялости и бесцветности.

В литературном произведении нет недостатка более нестерпимого, как вялость и безличность. Преувеличение, напыщенность, шаржи приводят читателя в негодование, но иногда могут даже подкупить его; вялость всегда оставляет его равнодушным. Подражатель наименее самостоятельный найдет больше участия в публике, нежели бледный эклектик, производящий свое литературное взяточничество втихомолку со всех знаков, произрастающих на литературной ниве. Встречаясь с первым, публика знает, что она услышит напоминание того, что ей почему-либо дорого или почему-либо ненавистно; ей кажется, например, что г. Авдеев совсем не г. Авдеев, а просто псевдоним Тургенева,^[2] под которым последний издает свои произведения поплотше, но отчего же не почитать ей и плохих произведений Тургенева? Напротив того, встречаясь с эклектиком, она рискует услышать одно бессодержательное сотрясение воздуха. Бесконечная канитель слов, связь между которыми обуславливается лишь зна-

ками препинания; несносная пугливость мысли, не могущей вызвать ни одного определенного образа, формулировать ни одного ясного понятия; туманная расплывчивость выражения, заставляющая в каждом слове предполагать какую-то неприятную загадку, – вот все, чем может наградить своего читателя второстепенный писатель-эклектик.

Г-н Полонский очень мало известен публике, и это, как нам кажется, совсем не потому, что он писатель только второстепенный, а потому, что он, благодаря своей скромности, записал себя в число литературных эклектиков. С именем каждого писателя (или почти каждого) соединяется в глазах публики представление о какой-нибудь физиономии, хорошей или плохой; с именем г. Полонского не сопрягается ничего определенного. Во внутреннем содержании его сочинений нет ничего, что поражало бы дикостью; напротив того, он любит науки и привязан к добродетели, он стоит почти всегда на стороне прогресса, и все это, однако ж, не только не ставится ему в заслугу, но просто-напросто совсем не примечается. Начните читать любое стихотворение этого автора, и вы можете быть уверены, что во время чтения будете чувствовать себя довольно хорошо; но когда вы кончите, то непременно спросите себя: что ж дальше? Конечно, это вопрос совершенно праздный, ибо если г. Полонский будет продолжать говорить тридцать лет сряду, он все-таки никогда не упразднит вопроса: что ж дальше? но как хотите, а неизбежность подобного вопроса не лишена своего значе-

ния. Ведь ежели бы все русские авторы писали так, что за прочтением их произведений непременно следовало бы требование: дальше! – то это равнялось бы упразднению русской литературы и, сверх того, изнурило бы самих авторов без всякой для дела пользы.

Прочтите, например, следующее стихотворение, которое положительно может назваться одним из лучших во всем собрании.

Царство науки не знает предела,
Всюду следы ее вечных побед —
Разума слово и дело,
Сила и свет.
Гордая Муза! не бойся коварства!(?)
Крикни толпе: отзовись хоть один!
Этого светлого царства
Кто гражданин? В темной толпе мы не много услышим
Братски отзывных, живых голосов:
Много ли дел мы запишем?
Много ли слов? – Слов, разрешающих наше сомненье,
В чем наша сила и где наш покой.
Вещих и полных значенья
Правды святой. Миру, как новое солнце, сияет
Светоч науки, и только при нем
Муза чело украшает
Свежим венком.

Кончено или не кончено? или разъяснения загадки долж-

но ожидать в следующем номере? Постараемся, однако ж, разгадать ее теперь же.

«Царство науки не знает предела» – это так, по крайней мере, в том смысле, что мы, современники, этого предела указать не можем. «Всюду следы ее вечных побед» – и это так, хотя тоже не безусловно, ибо нам известны целые учреждения, которые заведены именно с целью противодействовать победам науки,^[3] и, следовательно, носят на себе лишь в весьма слабой степени следы этих побед. «Разума слово и дело, сила и свет» – это уж совсем не так, ибо не наука родоначальница разума, а разум родоначальник науки. «Гордая Муза! не бойся коварства» и т. д. Это тоже совсем не так: во-первых, с какой тут стати приплетено «коварство»? во-вторых, если видны «всюду следы ее (науки) вечных побед», то, стало быть, не для чего и ревизовать толпу, потому что она несомненно составляет часть этого «всюду», а тем более поручать эту ревизию Музе, которая двух фраз сряду не может сказать, чтобы не впасть в противоречие. «В темной толпе мы не много услышим» и т. д. Да, действительно, услышите очень мало, но потому-то именно и не следует обращаться к «темной толпе», если желаешь что-нибудь услышать, кроме «ура». «Миру, как новое солнце, сияет» и т. д. В этих четырех стихах что ни слово, то загадка. Для чего нужен светоч науки для Музы, которая не может связать двух понятий? для чего только при этом светоче Муза «чело украшает свежим венком»? почему непременно «свежим», а не просто

венком? по поводу чего все это взбрело в голову? какая связь между наукой и украшением чела Музы свежим венком?

И наконец, все-таки что ж дальше? Ну, положим, «светоч науки сияет» и «Муза при нем украшает» – неужто ж этим дело и покончено? Куда же девалась «темная толпа», которую вы только что вывели на сцену? или это было только вводное предложение, или просто-напросто бессознательная модуляция голоса, нужная для того, чтоб не сразу прийти к изображению Музы, «украшающей чело»? А между тем сделать это сразу было бы гораздо естественнее и стихотворение много выиграло бы, если б было напечатано в следующем виде:

Царство науки не знает предела,
Всюду следы ее вечных побед, —

затем две строки точек, как будто вымарала цензура, и продолжаем так:

Миру, как новое солнце, сияет
Светоч науки, и только при нем Муза... —

опять две строки точек, дабы читатель мог думать, что, благодаря светочу науки, Муза перестает ветреничать и делается способною к логическим выводам.

Нам могут сказать: помилуйте! да ведь это поэзия! можно ли строго с нее взыскивать! Позвольте, милостивые госуда-

ри! Конечно, вопрос о соглашении поэзии с здравым смыслом еще не разрешен вполне, но все-таки нам кажется, что те имеют очень фальшивый взгляд на поэзию, которые не видят в ней ничего противного бессмыслице. Пора, наконец, приучаться употреблять слова в их действительном значении, пора и поэтам понять, что они должны прежде всего от-дать самим себе строгий отчет в том, что они желают сказать.

Примечания

Условные сокращения

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М. – Л. 1933–1941.

ЛН – «Литературное наследство».

Неизвестные страницы – М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского, М. – Л. 1931.

Письма, 1924 – М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма. 1845–1889. Под ред. Н. В. Яковлева. Л. 1924.

ОЗ – «Отечественные записки».

С – «Современник».

ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Z. f. sl. Ph. – «Zeitschrift für slavische Philologie». Hsg. von Dr. Max Vasmer. B. IV, Doppelheft 1–2. Leipzig, 1927.

Сочинения Я. П. Полонского. Два тома. СПб. 1869.

ОЗ, 1869, № 9, отд. «Новые книги», стр. 46–50 (вып. в свет – 12 сентября). Без подписи. Авторство указано В. В. Гиппиусом – *Z. f. st. Ph.*, S. 184; подтверждено С. С. Борщевским на основании свидетельства автора рецензии на «Сноп» Полонского (а им был Салтыков) о принадлежности ему также и настоящей рецензии – *изд. 1933–1941, т. 8, стр. 519.*

Разбирая стихотворения Я. П. Полонского, представленные в двух вышедших в 1869 г. томах его четырехтомного собрания сочинений, Салтыков, в сущности, лишь резко сформулировал то, что к концу 60-х годов стало фактом (и что было с понятной горечью констатировано самим поэтом в его письмах к Тургеневу) ¹, – охлаждение, невнимание публики и критики к поэзии Полонского. Салтыков определил и причины этого охлаждения: неопределенность творческой личности, «физиономии» поэта, эклектизм, отсутствие тенденции (см. далее рецензию на «Сноп» Полонского).

Руководствуясь этим критическим мерилom, Салтыков использует свой излюбленный прием: подвергает своеобразному ироническому анализу наиболее характерное, с его точки зрения, стихотворение Полонского – «Царство нау-

---

¹ См. публикацию писем Полонского к Тургеневу. – *ЛН*, т. 73, кн. 2

ки не знает предела...» (1856), где «пугливость», неясность мысли, больше чем в каком-либо другом из его стихотворений, выражается в неточности образов.

Иначе воспринимал поэзию Полонского Тургенев, что и было причиной его резкого письма-протеста в редакцию «С.-Петербургских ведомостей», вызванного рецензией «Отечественных записок»². Тургенев согласен, что стихотворение «Царство науки...» – слабое, но не в этом стихотворении сказалась истинная и сильная сторона таланта Полонского. Поэтому Тургенев и пишет о «неискусной» и «недобросовестной» критике, идущей «не по следу»: произведения Полонского «встречаются одним лишь глухим молчанием или гаерскими завываниями, свистом и кривляньями наших псевдо-сатирикоров». Заканчивается письмо недоброжелательной характеристикой поэзии Некрасова и намеком на пристрастное отношение критики «Отечественных записок» к Полонскому в угоду «патрону» – Некрасову (см. рецензию Салтыкова на «Снопы» Полонского, где, в частности, дан ответ и на это обвинение в «клиентизме»).

Другим наиболее значительным откликом на рецензию Салтыкова была статья Страхова о «Сочинениях» Полонского, напечатанная ровно через год («Заря», 1870, № 9). Страхов обильно цитировал рецензию Салтыкова и включил в свою статью «письмо» Тургенева в «С.-Петербургские

---

² «С.-Петербургские ведомости», 1870, № 8 от 8 января; ср. И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 154–160

ведомости». Замечание Тургенева о «клиентизме» критики «Отечественных записок» Страхов сделал центральным тезисом своей статьи – о вражде «журналов, руководимых г. Некрасовым», «ко всякой поэзии, кроме той, которую занимается г. Некрасов» (стр. 129 второй пагинации). У Полонского, писал Страхов, действительно нет «резкого и узкого направления, как у г. Некрасова». Он – «человек сороковых годов». «Это отсутствие односторонних, кидающихся в глаза тенденций «Отечественные записки» считают главным недостатком г. Полонского; в направлении для них главное дело, и потому писатель без направления должен быть объявлен не только плохим, но, если можно, даже вовсе несуществующим и никому не известным» (стр. 134). Между тем Полонский – «настоящий, прирожденный поэт» (стр. 147)³. (См. далее рецензию Салтыкова на «Сноп» Полонского.)

---

³ О статье Страхова с одобрением отозвался Достоевский (см. его письмо к Страхову от 9 октября 1870 г. – Письма, т. 2, стр. 295); ее отметил также Тургенев (Письма, т. VIII, стр. 302)

Комментарии

1.

...в качестве вульгаризаторов чужих идей... – Здесь в значении популяризаторов.

2.

...г. Авдеев совсем не г. Авдеев, а просто псевдоним Тургенева. – См. рецензию на роман Авдеева «Меж двух огней» и прим. к ней.

3.

...нам известны целые учреждения, которые заведены именно с целью противодействовать победам науки... – Намек на цензурное ведомство, в котором служил в это время Полонский, неоднократно, впрочем, писавший о «ненавистном» для него «званье цензора» (см., например: И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. VIII, стр. 468) и вскоре оставивший службу в цензуре.